

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Научная статья | Original paper

**Особенности самоповреждающего поведения у женщин,
переживших опыт сексуального насилия**

М.И. Татьяна¹✉, А.А. Григорьева¹, В.А. Рудченко¹, М.Г. Киселева¹

¹ Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова
Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский университет), Москва,
Российская Федерация

✉ mayunicorn28@gmail.com

Резюме

Статья посвящена изучению особенностей самоповреждающего поведения (СП) у женщин, переживших сексуальное насилие (СН). Исследование базируется на **выборке** из 102 женщин в возрасте от 18 до 40 лет ($M = 25,18$; $SD = 6,74$), которые были разделены на четыре группы в зависимости от опыта СН и СП. В исследовании использовались следующие психодиагностические **методы**: Опросник утверждений о самоповреждениях, Опросник ситуативной неудовлетворенности образом тела, Шкала диссоциации, а также непараметрические методы статистического анализа. Полученные **результаты** показали, у женщин, использующих самоповреждение после сексуального насилия, уровень диссоциации в 1,5 раза выше, чем в группе переживших насилие без СП. Самоповреждение у женщин с опытом СН и СП выполняет преимущественно антидиссоциативную и антисуицидальную функции. Высокие показатели неудовлетворенности своим телом, а также уровня диссоциации как механизма психологической защиты становятся специфичными маркерами женщин, переживших сексуальное насилие и использующих аутоагрессивные копинги для совладания с ним. **Выводы** подчеркивают важность раннего выявления риска суицидального поведения и разработки психотерапевтических подходов, направленных на снижение диссоциации, улучшение отношения к телу и замену самоповреждений адаптивными стратегиями.

Ключевые слова: сексуальное насилие, самоповреждающее поведение, суицидальные мысли, психическое здоровье, диссоциация, терапевтические подходы

Татьянина М.И., Григорьева А.А.,
Рудченко В.А., Киселева М.Г. (2025)
Особенности самоповреждающего поведения
у женщин, переживших опыт сексуального насилия
Психология и право, 15(1), 57—74.

Tatyanina M.I., Grigorieva A.A.,
Rudchenko V.A., Kiseleva M.G. (2025)
Features of self-harming behavior in women
who survived the experience of sexual violence
Psychology and Law, 15(1), 57—74.

Для цитирования: Татьяна, М.И., Григорьева, А.А., Рудченко, В.А., Киселева, М.Г. (2025). Особенности самоповреждающего поведения у женщин, переживших опыт сексуального насилия. *Психология и право*, 15(1), 57—74. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150105>

Features of self-harming behavior in women who survived the experience of sexual violence

M.I. Tatyanina¹✉, A.A. Grigorieva¹, V.A. Rudchenko¹, M.G. Kiseleva¹

¹ Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russian Federation

✉ mayunicorn28@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the study of the peculiarities of self-harming behavior (SHB) in female survivors of sexual violence (SV). The study is based on a **sample** of 102 women aged 18 to 40 years ($M = 25.18$; $SD = 6.74$), who were divided into four groups depending on the experience of SHB and SV. The following psychodiagnostic **methods** were used in the study: Self-Harm Claims Questionnaire, Situational Body Image Dissatisfaction Questionnaire, Dissociation Scale, and non-parametric methods of statistical analysis. The **results** showed that women who use self-harm after sexual violence have a 1.5 times higher level of dissociation than the group of survivors without SP. Self-harm in women with SV experience predominantly fulfills anti-dissociative and anti-suicidal functions. High rates of dissatisfaction with their bodies, as well as the level of dissociation as a psychological defense mechanism, become specific markers of women who have experienced sexual violence and use autoaggressive coping to cope with it. **Conclusions.** The findings underscore the importance of early identification of suicidal behavior risk and the development of psychotherapeutic approaches aimed at reducing dissociation, improving attitudes toward the body, and replacing self-harm with adaptive strategies.

Keywords: sexual assault, self-harming behavior, suicidal ideation, mental health, dissociation, therapeutic approaches

For citation: Tatyanina, M.I., Grigorieva, A.A., Rudchenko, V.A., Kiseleva, M.G. (2025). Features of self-harming behavior in women who survived the experience of sexual violence. *Psychology and Law*, 15(1), 57—74. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150105>

Введение

Согласно определению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), под термином «сексуальное насилие» (СН) понимается любой сексуализированный акт или попытка его совершения против сексуальности индивида с использованием принуждения, совершаемые человеком независимо от его взаимоотношений с жертвой, в любом месте (Круг и др., 2003).

По данным ВОЗ, почти каждая третья женщина в мире хотя бы раз в жизни подвергалась сексуальному насилию (Оценки распространенности насилия..., 2018). В России согласно исследованию Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), опыт СН пережили около 18% женщин, из них 8% столкнулись с насилием со стороны партнера или

Татьянина М.И., Григорьева А.А.,
Рудченко В.А., Киселева М.Г. (2025)
Особенности самоповреждающего поведения
у женщин, переживших опыт сексуального насилия
Психология и право, 15(1), 57—74.

Tatyanina M.I., Grigorieva A.A.,
Rudchenko V.A., Kiseleva M.G. (2025)
Features of self-harming behavior in women
who survived the experience of sexual violence
Psychology and Law, 15(1), 57—74.

близкого человека (Я не боюсь сказать..., 2016). Многие случаи сексуального насилия остаются скрытыми, так как женщины не обращаются в полицию или другие официальные органы, опасаясь стигматизации (Kennedy, Prock, 2018). Такая ситуация затрудняет оказание своевременной медико-психологической помощи, усугубляя проблему СН.

Среди разных видов психотравматизации (техногенные катастрофы, опыт боевых действий, смерть близкого и др.) именно опыт сексуального насилия отличается наиболее высокими показателями как суицидальных мыслей, так и количества суицидальных попыток (Samaritans, 2018; Johansen et al., 2022). У лиц, подвергшихся СН, отмечается значительно более высокая распространенность суицидов (27,25%) по сравнению с теми, кто насилию не подвергался (9,37%). (Dworkin, DeCou, Fitzpatrick, 2022). Каждый десятый, переживший опыт СН, совершал попытку самоубийства (Samaritans, 2018; Chen et al., 2024). В ряде исследований показана взаимосвязь между опытом сексуального абьюза и незапланированной попыткой суицида, а также суицидальными мыслями на протяжении всего времени после травматизации (Steele, Dorahy, van der Hart, 2022; Борисенко, Бадмаева, 2020; McCollum et al., 2024; Valencia-Agudo et al., 2020; Pachkowski, Klonsky, 2023). Важно отметить, что самоповреждающее поведение является наиболее сильным предиктором суицидальных попыток (Franklin et al., 2017) и связано с увеличением риска совершения суицидальной попытки на 19% (Knipe et al., 2024).

Сексуальное насилие может вызвать длительный стресс (аллостатическую нагрузку), приводя к долгосрочным последствиям и необходимости особого «целостного» терапевтического подхода, делающего акцент на единстве тела, когний и психики (Sigurdardottir, Halldorsdottir, 2021). Учитывая негативные корреляции СН с показателями соматического и психического здоровья, суицидальным поведением, исследователи отмечают необходимость рассмотрения последствий сексуального насилия как значимой проблемы общественного здравоохранения (Ducasse et al., 2017).

Почти две трети лиц, ставших жертвами изнасилований и сексуальных посягательств (63%), страдают впоследствии психическими или эмоциональными расстройствами (Samaritans, 2018; Chen et al., 2024). Сексуальное насилие в любом его проявлении может приводить к нарушениям психического функционирования, которые связывают с развитием синдрома травмы сексуального насилия (СТСН), совпадающего по характеру течения с посттравматическим стрессовым расстройством (Тухтаева, Луковцева, 2024; Strauss Swanson, Szymanski, 2022; Fayaz, 2024). Ключевым когнитивным содержанием в этих ситуациях являются: навязчивые мысли о произошедшем событии, страх повторения ситуации, опасения стигматизации с последующей аутизацией, а также негативное самоотношение и восприятие своего тела (Захарова, Милехина, 2017).

Высокая распространенность психопатологических последствий СН свидетельствуют о значимом психологическом дистрессе у всех жертв, о выраженности которого можно судить по частоте диссоциативных симптомов и аутоагрессивному поведению (Perez, Lorca, Marco, 2020; Захарова, Милехина, 2017).

Диссоциация в общем смысле может быть определена как разрыв связей между частями единого целого. В психологии и психиатрии под диссоциацией понимают разделение между различными аспектами сознания: мыслями, чувствами, воспоминаниями, эмоциями, чувством идентичности. Это состояние характеризуется нарушением целостности психических функций, которые обычно работают совместно, а также нарушением целостности восприятия

Татьянина М.И., Григорьева А.А.,
Рудченко В.А., Киселева М.Г. (2025)
Особенности самоповреждающего поведения
у женщин, переживших опыт сексуального насилия
Психология и право, 15(1), 57—74.

Tatyanina M.I., Grigorieva A.A.,
Rudchenko V.A., Kiseleva M.G. (2025)
Features of self-harming behavior in women
who survived the experience of sexual violence
Psychology and Law, 15(1), 57—74.

своего тела (Van der Har, Dorahy, 2022). Диссоциация может проявляться в различных формах, от кратковременного состояния отстраненности или «ухода в себя» до серьезных диссоциативных расстройств, таких как деперсонализация, дереализация. Разделение или разрыв между различными аспектами психического при диссоциации приводит к фрагментации опыта, в частности травматического. При этом некоторые элементы диссоциации остаются осознаемыми (Stein et al., 2010; Van der Har, Dorahy, 2022).

Согласно исследованиям, у 62% девушек, переживших опыт сексуального абьюза, хотя бы раз был отмечен опыт самоповреждающего поведения (Суг et al., 2005). Диссоциация выявляется у 37% девушек, прибегающих к самоповреждающему поведению после СН (Ford, Gómez, 2015).

Самоповреждающее поведение определяется как направленное умышленное нанесение повреждения тканям тела, которое может повлечь за собой тяжелые последствия, включая фатальные (например, суицид). В последние годы исследователи активно используют термин «несуицидальное самоповреждающее поведение» (НССП), подчеркивая отсутствие намерений у индивида совершать самоубийство посредством актов самоповреждения (Nock et al., 2007). Вместе с тем, НССП рассматривается как один из элементов широкого спектра суицидальных поступков (Knipe et al., 2024).

Специфика самоповреждающего поведения проявляется в различных способах нанесения повреждений (Польская, Мельникова, 2023; Nock, 2004), частоте, медицинской тяжести наносимых травм (Duarte, Gomes, Gouveia-Pereira, 2024; Case et al., 2020; Barreto Carvalho et al., 2017), а также выполняемым функциям (Muehlenkamp et al., 2013).

Самоповреждающее поведение может быть направлено на устранение негативных эмоций, снижение интенсивности трудных переживаний или на создание новых ощущений и эмоций (Nock, 2004; Klonsky et al., 2015), противодействие диссоциативным состояниям, предотвращение суицидальных наклонностей, самонаказание и др. (Cipriano, Cella, Cotrufo, 2017; Klonsky, 2007).

В ситуации сексуального насилия самоповреждающее поведение становится способом уменьшения внутреннего дистресса (Nock, Prinstein, 2004; Klonsky et al., 2015; Raudales et al., 2023), а также проявлением самонаказания, вследствие выраженного чувства вины и стыда в связи с произошедшей ситуацией (Nock, Prinstein, 2004). Сексуальное насилие имеет крайне отрицательные и долгосрочные последствия, связанные с негативным отношением к собственному телу и его диссоциацией (Sigurdardottir, Halldorsdottir, 2021; Ford, 2024). Женщины, перенесшие сексуальное насилие, воспринимают тело как «испорченный товар», который впоследствии становится основанием для дальнейшего причинения себе вреда и основой диссоциативных состояний (Liljedahl et al., 2023).

Противодействие диссоциативным состояниям — одна из важных функций самоповреждающего поведения, возникающего вследствие сексуального насилия. При наличии проблем, связанных с восприятием собственного тела, самоповреждение может применяться для восстановления целостности представления и усиления ощущения контроля над телом (антидиссоциативная функция), в то время как при искажении восприятия тела самоповреждение может использоваться для того, чтобы «рассоединиться с переживаниями», перестать ощущать тело и избежать таким образом чувства страха и боли (диссоциативная функция) (Ataria, 2018; Muehlenkamp, Kerr, 2010). Самоповреждение при антидиссоциативном механизме может служить методом возвращения к реальности (Perez, Lorca, Marco, 2020), что

связано как с тяжестью травмы, так и с отсутствием у индивида безопасных копинг-стратегий, позволяющих пережить последствия травматического опыта (Ataria, 2018).

Учитывая деменциональный характер аутоагрессивного поведения, разворачивающегося от самоповреждения до суицидальных актов, исследование специфики НССП, возникшего вследствие сексуального насилия или ранее представленного в анамнезе, позволяет определить женщин с самоповреждающим поведением как особую категорию риска. Выявление специфики проявления НССП у женщин, перенесших насилие, отличной от общих механизмов психотравматизации, позволит рассматривать самоповреждение как «видимый» симптом перенесенного насилия у женщин, которые не обращаются за помощью из-за страха стигматизации. Понимание вклада диссоциативного механизма и специфики самоповреждающего поведения, возникшего в связи с сексуальным насилием, позволит более точно определить выбор психотерапевтической стратегии в работе с такой группой пациентов, своевременно оказать им помощь и предотвратить возможные психопатологические нарушения за счет снижения дистресса.

Таким образом, основная задача, поставленная перед исследованием, это изучение специфики функций самоповреждающего поведения в связи с диссоциативной симптоматикой у женщин, перенесших сексуальное насилие.

Материалы и методы

Исследование проводилось в период с ноября 2023 года по август 2024-го.

Выборка формировалась с использованием закрытых онлайн-сообществ, посвященных проблеме сексуального насилия. На первом этапе исследования откликнувшимся на предложение поучаствовать в исследовании предлагалась индивидуальная онлайн-встреча, на которой испытуемые были подробно проинформированы о содержании исследования. Добровольное устное согласие женщин на прохождение исследования было обязательным условием дальнейшего продолжения их участия. Всего откликнулось 123 женщины. Далее на индивидуальной встрече в ходе беседы выяснялись первичные анамнестические данные, среди которых была информация, касающаяся критериев сексуального насилия, соответствующих определению ВОЗ, а также критериев НССП, предложенных в DSM-5.

Критерием включения в исследование был возраст женщин (старше 18 лет), сообщивших о перенесенном сексуальном насилии, которое произошло в течение года, предшествующего обследованию (степень тяжести насильственных действий не выяснялась), а также прибегающих к несуицидальному самоповреждающему поведению в течение последнего года. Критерии исключения: женщины с опытом СН в детстве, возраст младше 18 и старше 40 лет, отсутствие устного согласия на дальнейшее прохождение исследования.

По результатам первого этапа (интервью) в дальнейшем исследовании приняли участие 102 женщины, соответствующие критериям включения, в возрасте от 18 до 40 лет ($M = 25,18$; $SD = 6,74$). Общая характеристика выборки представлена в табл. 1.

Испытуемые были разделены на 4 группы сравнения.

1-я группа — испытуемые, которые пережили сексуальное насилие (в течение года, предшествующего обследованию) и имели опыт самоповреждающего поведения в анамнезе: не менее 5 дней в течение года, предшествовавшего насилию, и полугода после эпизода СН (условно обозначим эту группу «самоповреждения в анамнезе»); $n = 28$.

2-я группа — женщины, у которых самоповреждающее поведение возникло после эпизода

Татьянина М.И., Григорьева А.А.,
Рудченко В.А., Киселева М.Г. (2025)
Особенности самоповреждающего поведения
у женщин, переживших опыт сексуального насилия
Психология и право, 15(1), 57—74.

Tatyanina M.I., Grigorieva A.A.,
Rudchenko V.A., Kiseleva M.G. (2025)
Features of self-harming behavior in women
who survived the experience of sexual violence
Psychology and Law, 15(1), 57—74.

СН; $n = 20$. В данной группе женщины наносили себе самоповреждения не менее 5 дней за последние 12 месяцев.

3-я группа — женщины, пережившие сексуальное насилие (в течение года, предшествующего обследованию), но никогда не наносившие себе самоповреждений; $n = 32$. Средний возраст женщин в первых трех группах (с опытом сексуального насилия) составил 25,95 года; $SD = 7,367$.

4-я группа — испытуемые без опыта сексуального насилия, но с актуальным самоповреждающим поведением (не менее 5 дней за год); $n = 22$ ($M = 22,36$; $SD = 1,941$).

Таблица 1 / Table 1

Общая характеристика выборки
General characteristics of the sample (N = 102)

№	Характеристика / Characteristic	% от общей выборки / % of the total sample
1	Не состоят в отношениях / Not in a relationship	39,2
2	Состоят в отношениях / In a relationship	23,5
3	Совместно проживают со своим партнером / Living together with a partner	18,6
4	Замужем / Married	15,7
5	В разводе / Divorced	2,9
6	Высшее образование / Higher education	47,1
7	Неоконченное высшее образование / Unfinished higher education	43,1
8	Основное общее образование / General basic education	5,9
9	Среднее профессиональное образование / Secondary vocational education	3,9
10	Учится и работает одновременно / Studying and working at the same time	54,9
11	Только работает / Only works	22,5
12	Только учится / Just studying	19,6
13	Не работает и не учится / Not working or studying	2,9
14	Опыт самоповреждения в анамнезе («до» и «после» СН) / History of self-harm (“before” and “after” sexual assault (SA))	31,4
15	Наносили себе самоповреждения не менее 5 дней за последние 12 месяцев (после СН) / Self-harmed at least 5 days in the past 12 months (after SA)	24,5
16	Никогда не наносили себе самоповреждений / Never self-harmed	31,4

На втором этапе исследования женщинам предлагалось заполнить специализированные психодиагностические методики в зависимости от опыта самоповреждения, в числе которых:

- Опросник утверждений о самоповреждениях (Inventory of Statements about Self-injury, ISAS) — состоит из вопросов о самоповреждениях, направленных на определение функций данного феномена, как общих (интерперсональные и интраперсональные), так и частных (русскаяязычная адаптация — А.Е. Адлер, 2017) (Klonsky, Glenn, 2009);
- Опросник ситуативной неудовлетворенности образом тела (Situational Inventory of Body-Image Dysphoria, SIBID) — направлен на выявление негативного отношения к собственному телу в конкретных ситуациях, которые определяют эмоционально-зараженное отношение к себе и запускают механизм копинг-стратегий (русскаяязычная адаптация — Баранская, 2011), (Cash, 2002);
- Шкала диссоциации (Dissociative Experience Scale, DES) — предназначена для определения уровня диссоциации как постоянной черты (русскаяязычная адаптация — Тарабрина, 2001), (Bernstein, Putnam, 1986).

Распределение общей выборки было отлично от нормального (критерий Колмогорова — Смирнова $\in [0,095—0,460]$, $p\text{-value} \in [< 0,001—0,024]$), вследствие чего для статистической обработки использовались непараметрические методы статистического вывода, как не зависящие от распределения. Для математической обработки данных использовались IBM SPSS Statistics 26 [rus] и Microsoft Excel 2016.

Результаты

На первом этапе с целью исследования уровня диссоциаций и отношения к своему телу сравнивались три группы женщин, переживших сексуальное насилие (постоянная характеристика) с разным опытом самоповреждения (изменяемая переменная): 1) никогда не наносившие себе самоповреждений ($n = 32$); 2) имеющие опыт самоповреждающего поведения в анамнезе и «до», и «после» СН ($n = 28$); 3) самоповреждающее поведение возникло после эпизода СН ($n = 20$). Осуществлялось попарное сравнение с использованием метода апостериорных критериев.

Было выявлено, что женщины, у которых самоповреждающее поведение возникло после сексуального насилия, имеют значимо более высокую ситуативную неудовлетворенность образом тела ($T = -16,5$, $p = 0,024$) (рис. 1), а также значимо более выраженную диссоциацию по сравнению с женщинами ($T = -19,3$, $p < 0,001$) (рис. 2), не имевшими опыта самоповреждающего поведения.

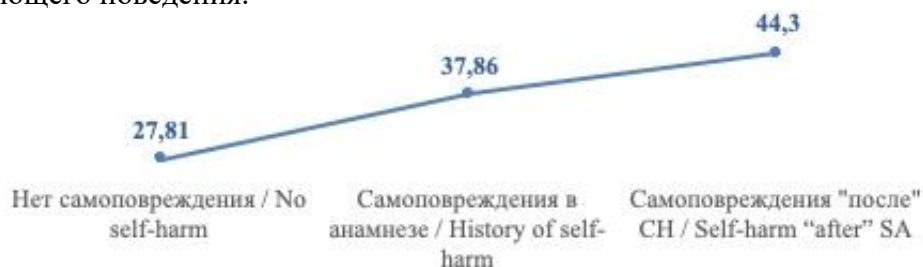

Рис. 1. Средние значения выраженности ситуативной неудовлетворенности образом тела у женщин, переживших сексуальное насилие, с разным опытом самоповреждения

Fig. 1. Mean values of the expression of situational dissatisfaction with body image in female survivors of sexual violence with different experiences of self-injury

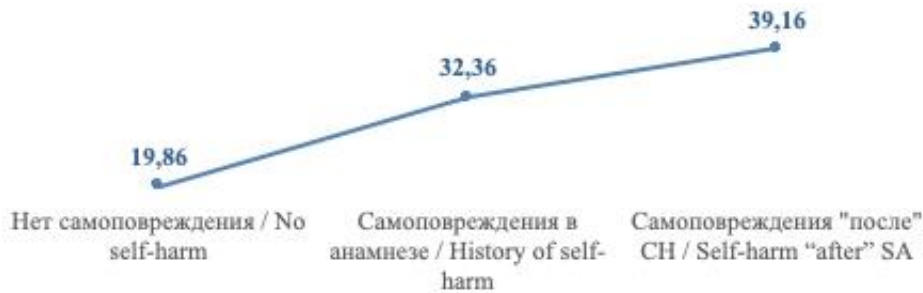

Рис. 2. Средние значения выраженности диссоциации у женщин, переживших сексуальное насилие, с разным опытом самоповреждения
Fig. 2. Mean values of dissociation severity in female survivors of sexual violence with different experiences of self-injury

Значимых различий в ситуативной неудовлетворенности образом тела между женщинами без опыта самоповреждающего поведения и женщинами, которые использовали самоповреждающее поведение в анамнезе, обнаружено не было. Также не было выявлено значимых различий в среднем показателе выраженности диссоциации между женщинами, использовавшими самоповреждающее поведение в анамнезе и после перенесенного СН.

В дополнение к выявленным фактам применялся анализ совместного распределения частот (хи-квадрат Пирсона) уровней диссоциации у женщин, переживших сексуальное насилие, с разным опытом самоповреждающего поведения. По итогам также были выявлены значимые различия (Хи-квадрат = 18,414, $p = 0,018$): среди женщин, переживших сексуальное насилие и не имеющих опыта самоповреждающего поведения, чаще встречаются женщины с низким уровнем диссоциации (62,5%) и совсем не встречаются женщины с повышенным и высоким уровнем диссоциации (см. табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Уровень диссоциации у женщин, переживших сексуальное насилие, с разным опытом самоповреждающего поведения
Level of dissociation in female sexual assault survivors with different experiences of self-harming behavior

Уровень диссоциации / Level of dissociation	Низкий / Low	Пониже нный / Reduced	Умерен- ный / Moderate	Повыше нный / Elevated	Высо- кий / High
	Количество человек (%) / Number of people (%)				
Не было опыта самоповреждения / No history of self-harm	20 (62,5%)	8 (25%)	4 (12,5%)	0 (0%)	0 (0%)
Практика самоповреждений «до» и «после» СН / Practicing self- harm “before” and “after” SA	10 (35,7%)	11 (39,3%)	3 (10,7%)	2 (7,1%)	2 (7,1%)

Татьянина М.И., Григорьева А.А.,
Рудченко В.А., Киселева М.Г. (2025)
Особенности самоповреждающего поведения
у женщин, переживших опыт сексуального насилия
Психология и право, 15(1), 57—74.

Tatyanina M.I., Grigorieva A.A.,
Rudchenko V.A., Kiseleva M.G. (2025)
Features of self-harming behavior in women
who survived the experience of sexual violence
Psychology and Law, 15(1), 57—74.

Практика самоповреждений «после» СН / The practice of self-harm “after” SA	3 (15%)	11 (55%)	3 (15%)	3 (15%)	0 (0%)
хи-квадрат / Chi-squared = 18,414, p = 0,018					

С целью найти отличительные особенности в функциях самоповреждающего поведения у женщин, прибегающих к самоповреждению, без опыта насилия и переживших сексуальное насилие, на следующем этапе исследования сравнивались следующие две группы: 1) группа с самоповреждающим поведением «после» опыта СН (n = 20); 2) группа с самоповреждающим поведением без опыта СН (n = 22).

Было выявлено, что женщины, пережившие сексуальное насилие с самоповреждающим поведением, демонстрируют более высокий уровень диссоциации, в 1,5 раза превышающий показатели тех женщин, у которых при наличии опыта сексуального насилия самоповреждения не наблюдаются. У женщин с опытом самоповреждающего поведения, возникшего после сексуального насилия, средний показатель выраженности антидиссоциативной функции самоповреждения составил 3,71 (SD = 2,1), у женщин, в опыте которых не было сексуального насилия, — M = 2,5 (SD = 2,2). Значимость различий антидиссоциативной функции несуйцидального самоповреждения по U-критерию Манна — Уитни составила 379,500, при p = 0,05.

Для таких функций самоповреждения, как регуляции аффекта, самонаказание, антисуйцид, проведение границ между собой и окружающими, поиск ощущений, попытка соответствовать сверстникам, влияние на окружение, проверка себя на стойкость, месть, автономия, фиксация стресса, статистически значимых различий в группах женщин, переживших сексуальное насилие (СН + НССП), и женщин с несуйцидальным самоповреждающим поведением без опыта сексуального насилия (НССП) обнаружено не было.

С целью выявления специфики функций у женщин с разным опытом самоповреждения, проводилось сравнение двух групп испытуемых: 1) группа с самоповреждающим поведением «после» СН (n = 20); 2) имеющие опыт самоповреждающего поведения в анамнезе и «до», и «после» СН (n = 28).

Было выявлено, что более высокие показатели антисуйцидальной функции самоповреждающего поведения наблюдаются у женщин, применявших НССП «до» и «после» сексуального насилия (M = 3,68; SD = 1,9), по сравнению с женщинами, у которых опыт самоповреждения появился только после пережитого насилия (M = 2,65; SD = 2,5), значимость различий по критерию Манна—Уитни составила U = 190,000 (p = 0,05).

Также были получены различия на уровне тенденций в функции самоповреждения «забота о себе» (U = 392,500, p = 0,079). Для показателей функций «регуляция аффекта», «самонаказание», «антидиссоциация», «проведение границ между собой и окружающими», «забота о себе», «поиск ощущений», «попытка соответствовать сверстникам», «влияние на окружение», «проверка себя на стойкость», «мечь», «автономия» и «фиксация стресса» между группами женщин с опытом НССП «до» и «после» сексуального насилия и женщин с НССП, возникшим после опыта сексуального насилия, статистически значимых различий обнаружено не было.

Татьянина М.И., Григорьева А.А.,
Рудченко В.А., Киселева М.Г. (2025)
Особенности самоповреждающего поведения
у женщин, переживших опыт сексуального насилия
Психология и право, 15(1), 57—74.

Tatyanina M.I., Grigorieva A.A.,
Rudchenko V.A., Kiseleva M.G. (2025)
Features of self-harming behavior in women
who survived the experience of sexual violence
Psychology and Law, 15(1), 57—74.

Обсуждение результатов

Согласно исследованиям, женщины, подвергшиеся насилию, активно используют самоповреждение для восстановления связей с реальностью (Brockdorf et al., 2023). Самоповреждающее поведение, выполняя антидиссоциативную функцию, позволяет им повысить контроль над собственным телом, при высоких показателях диссоциации (Strauss Swanson, Szymanski, 2022).

Учитывая тот факт, что диссоциация направлена на снижение эмоциональной боли и саморегуляцию, можно предположить, что к самоповреждению прибегают женщины с большей интенсивностью переживаний вследствие пережитого сексуального насилия. Тело становится объектом агрессии. Это подтверждает тот факт, что у женщин с актуальным самоповреждением и перенесенным сексуальным насилием уровень диссоциации и показатели ситуативной неудовлетворенности собственным телом превышают аналогичные показатели у женщин с опытом насилия без самоповреждения в 1,5 раза.

Также можно предположить, что усиление неудовлетворенности телом после пережитого насилия в отдельных случаях приводит к стремлению «самонаказания» за травматический опыт, реализуемому через самоповреждающее поведение, что подтверждается исследованием Сунея (Suneja, 2018).

Более низкие показатели неудовлетворенности образом тела и уровня диссоциации у женщин с пережитым сексуальным насилием, не использующих самоповреждающее поведение, могут быть связаны с тем, что данная категория лиц способна адаптироваться к психотравмирующим переживаниям, лучше справляться с интеграцией своего травматического опыта в личную историю, имеет больший доступ к разным формам поддержки. Данное предположение подтверждается исследованием Йохансена (Johansen et al., 2022).

Выявленные в ходе исследования высокие показатели антисуицидальной функции самоповреждающего поведения у женщин, применявших НССП «до» и «после» сексуального насилия, могут объясняться тем, что самоповреждающее поведение стало привычным способом саморегуляции в ситуациях, где необходимо справляться с негативными эмоциями и психическим дискомфортом. Сильная психотравмирующая ситуация, усиливая интенсивность переживаний, приводит к суицидальным интенциям, при которых самоповреждение приобретает «второе дыхание», трансформируя функциональность из общей регуляторной — в специфическую, направленную на предотвращение суицида. Актуализация антисуицидальной функции самоповреждения указывает на наличие суицидального риска у данной категории женщин. Учитывая, что высокий уровень диссоциативной симптоматики является фактором не только самоповреждающего поведения, но и риска самоубийств, что соотносится с исследованиями Форда и Гомеза (Ford, Gómez, 2015), женщины, перенесшие сексуальное насилие, с появившимся самоповреждающим поведением в результате психотравматизации, относятся к категории высокого суицидального риска (Bikmazer et al., 2023).

Полученные данные об антисуицидальной функции у женщин с самоповреждающим поведением «до» и «после» перенесенного насилия можно соотнести с исследованием Клаеса (Chavin, 2024), согласно которому функциональность самоповреждения может выступать основой для дифференциальной диагностики, позволяя определить самоповреждение,

специфичное для разных видов психопатологии. Появление антисуицидальной функции самоповреждающего поведения в группе женщин, перенесших СН и имевших ранее опыт НССП, может указывать на осознанную попытку регуляции суицидальных интенций. Самоповреждение в таком случае выполняет амбивалентную роль: с одной стороны, является ответным усилением аутоагрессивных интенций, с другой — позволяет «предотвратить» совершение суицидальной попытки.

Полученные данные об отличительной особенности женщин с опытом самоповреждающего поведения («до» и «после» пережитого сексуального насилия), проявляющейся в преобладании антисуицидальной функции и высоком уровне диссоциации, также согласуются с метаобзором Ducasse (Ducasse et al., 2017). Авторы обзора выдвигают гипотезу о том, что среди пациентов, прибегающих к суицидальному и самоповреждающему поведению, может быть выделена особая группа — «диссоциативный подтип», которая не только более подвержена самоповреждающему поведению, но и чаще совершает суицидальные попытки. К такому подтипу можно отнести группу женщин, ранее использовавших самоповреждающее поведение и продолжающих его применять для того, чтобы пережить последствия сексуального насилия и справиться с возникающими суицидальными интенциями.

Ограничения исследования заключаются в небольшом размере выборки и зависимости от самоотчетных данных, что может влиять на точность и возможность экстраполяции результатов. Перспективой последующих исследований видится изучение динамики этих явлений, включения более широкого спектра психологических переменных, а также больших показателей самоповреждающего поведения (интенсивности, тяжести, локализации, вида).

Заключение

Самоповреждающее поведение у женщин, перенесших сексуальное насилие, имеет специфические черты, связанные с повышенной диссоциацией, неудовлетворенностью образом тела, особой функциональностью самоповреждений.

Для самоповреждающего поведения у женщин, переживших сексуальное насилие, специфичны такие функции, как антидиссоциативная и антисуицидальная, что указывает на особую роль самоповреждения как механизма саморегуляции при переживании интенсивных негативных состояний.

Высокие показатели неудовлетворенности своим телом, а также уровня диссоциации, как механизма психологической защиты, не только сопровождают травматический опыт, и, в частности, сексуальное насилие, но и становятся специфичными маркерами той категории женщин, которые используют аутоагрессивные копинги для совладания с психотравмирующим событием.

Терапевтические интервенции для переживших сексуальное насилие женщин с самоповреждающим поведением должны быть направлены на снижение диссоциативных симптомов, улучшение отношения к собственному телу, замещение самоповреждения более адаптивными стратегиями совладания.

Полученные данные также свидетельствуют о важности раннего выявления риска суицидального поведения у женщин, переживших сексуальное насилие, особенно тех, кто

Татьянина М.И., Григорьева А.А.,
Рудченко В.А., Киселева М.Г. (2025)
Особенности самоповреждающего поведения
у женщин, переживших опыт сексуального насилия
Психология и право, 15(1), 57—74.

Tatyanina M.I., Grigorieva A.A.,
Rudchenko V.A., Kiseleva M.G. (2025)
Features of self-harming behavior in women
who survived the experience of sexual violence
Psychology and Law, 15(1), 57—74.

прибегает к самоповреждающему поведению как «до», так и «после» пережитого абьюза, с целью оказания им своевременной психологической поддержки.

Список источников / References

1. Адлер, А.Е. (2017). *Взаимосвязь личностных характеристик с функциями и методами самоповреждения у индивидов с проявлениями несуицидального самоповреждающего поведения: Выпускная бакалаврская работа по направлению подготовки: 37.03.01 - Психология*. Томск. URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:5078> (дата обращения: 11.12.2024).
Adler, A.E. (2017). *The relationship between personality characteristics and functions and methods of self-harm in individuals with manifestations of non-suicidal self-injurious behavior: Bachelor's thesis in the field of study: 37.03.01 - Psychology*. Tomsk. (In Russ.). URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:5078> (viewed: 11.12.2024).
2. Баранская, Л.Т., Татаурова, С.С. (2011). *Методика исследования образа тела: учебное пособие*. Екатеринбург: Изд-во УрГУ. URL: <http://elib.usma.ru/handle/usma/13870> (дата обращения: 10.11.2024).
Baranskaya, L.T., Tataurova, S.S. (2011). *Methods of body image research: textbook*. Ekaterinburg: Ural State University Press. (In Russ.). URL: <http://elib.usma.ru/handle/usma/13870> (viewed: 10.11.2024).
3. Борисенко, Е.В., Бадмаева, В.Д. (2020). Последствия сексуального насилия и злоупотребления в отношении несовершеннолетних: гендерная специфика. *Психология и право*, 10(3), 235—247. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100316>
Borisenko, E.V., Badmaeva, V.D. (2020). Consequences of sexual violence and abuse against minors: gender specificity. *Psychology and Law*, 10(3), 235—247. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100316>
4. Захарова, Н.М., Милехина, А.В. (2017). Основные принципы оказания медико-психологической помощи жертвам насилия. *Российский психиатрический журнал*, 6, 32—39.
Zakharova, N.M., Milekhina, A.V. (2017). Main principles of providing medical and psychological assistance to victims of violence. *Russian Psychiatric Journal*, 6, 32—39. (In Russ.).
5. Круг, Э.Г., Дальберг, Л.Л., Мерси, Д.А., Лозано, Р. (2003). Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире. *Всемирная организация здравоохранения*. URL: <https://iris.who.int/handle/10665/85358> (дата обращения: 11.12.2024)
Krug, E.G., Dahlberg, L.L., Mercy, J.A., Lozano, R. (2003). World report on violence and health. *World Health Organization*. (In Russ.). URL: <https://iris.who.int/handle/10665/85358> (viewed: 11.12.2024).
6. Оценки глобальной, региональной и национальной распространенности насилия в отношении женщин со стороны интимного партнера и оценки глобальной и региональной распространенности сексуального насилия в отношении женщин со стороны лиц, не являющихся партнерами. (2018). *Всемирная организация здравоохранения*. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789241564625> (дата обращения: 11.12.2024).
Global, regional, and national prevalence estimates of intimate partner violence against women and global and regional prevalence estimates of non-partner sexual violence against women.

Татьянина М.И., Григорьева А.А.,
Рудченко В.А., Киселева М.Г. (2025)
Особенности самоповреждающего поведения
у женщин, переживших опыт сексуального насилия
Психология и право, 15(1), 57—74.

Tatyanina M.I., Grigorieva A.A.,
Rudchenko V.A., Kiseleva M.G. (2025)
Features of self-harming behavior in women
who survived the experience of sexual violence
Psychology and Law, 15(1), 57—74.

- (2018). *World Health Organization*. URL:
<https://www.who.int/publications/i/item/9789241564625> (viewed: 11.12.2024).
7. Польская, Н.А., Мельникова, М.А. (2023). Вклад диссоциации и межличностной чувствительности в самоповреждающее поведение молодых женщин. *Клиническая и специальная психология*, 12(1), 150—179. <https://doi.org/10.17759/cpse.2023120107>
Polskaya, N.A., Melnikova, M.A. (2023). The contribution of dissociation and interpersonal sensitivity to self-injurious behavior in young women. *Clinical Psychology and Special Education*, 12(1), 150—179. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpse.2023120107>
8. Тарабрина, Н.В. (2001). Шкала диссоциации (Dissociative Experience Scale-DES). В: *Практикум по психологии посттравматического стресса* (с. 197—208). СПб: Питер.
Tarabrina, N.V. (2001). Dissociative Experience Scale (DES). In: *Workshop on post-traumatic stress psychology* (pp. 197—208). Saint Petersburg: Piter. (In Russ.).
9. Тухтаева, Д.А., Луковцева, З.В. (2024). Психологические особенности взрослых, переживших сексуальное насилие в детском или подростково-юношеском возрасте. *Психология и право*, 14(1), 33—52. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140103>
Tukhtaeva, D.A., Lukovtseva, Z.V. (2024). Psychological characteristics of adults who have experienced sexual violence in childhood or adolescence. *Psychology and Law*, 14(1), 33—52. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140103>
10. «Я не боюсь сказать»: молчать или писать? (2016). ВЦИОМ. URL:
<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ya-ne-boyus-skazat-molchat-ili-pisat>
(дата обращения: 11.12.2024)
“I am not afraid to say”: to be silent or to write? (2016). VTsIOM. (In Russ.). URL:
<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ya-ne-boyus-skazat-molchat-ili-pisat>
(viewed: 11.12.2024)
11. Ataria, Y. (2018). *Body disownership in complex posttraumatic stress disorder*. Springer. <https://doi.org/10.1057/978-1-349-95366-0>
12. Barreto Carvalho, C., da Motta, C., Sousa, M., Cabral, J. (2017). Biting myself so I don't bite the dust: prevalence and predictors of deliberate self-harm and suicide ideation in Azorean youths. *Revista Brasileira de Psiquiatria*, 39(3), 252—262. <https://doi.org/10.1590/1516-4446-2016-1923>
13. Bernstein, E.M., Putnam, F.W. (1986). Development, reliability, and validity of a dissociation scale. *Journal of Nervous and Mental Disease*, 174(12), 727—735. <https://doi.org/10.1097/00005053-198612000-00004>
14. Bikmazer, A., Koyuncu, Z., Kavruk Erdim, N., Kadak, M.T., Tarakcioglu, M.C., Gokler, E., Gormez, V., Ozer, O.A. (2023). Association of dissociation with suicide attempt and non-suicidal self injury in adolescents with a history of sexual abuse. *Psychiatry*, 86(1), 17—28. <https://doi.org/10.1080/00332747.2022.2114268>
15. Brockdorf, A.N., Gratz, K.L., Messman, T.L., DiLillo, D. (2023). Trauma symptoms and deliberate self-harm among sexual violence survivors: Examining state emotion regulation and reactivity as dual mechanisms. *Psychology of Violence*, 13(1), 23—33. <https://doi.org/10.1037/vio0000432>
16. Case, J.A., Burke, T.A., Siegel, D.M., Piccirillo, M.L., Alloy, L.B., Olino, T.M. (2019). Functions of non-suicidal self-injury in late adolescence: A latent class analysis. *Archives of Suicide Research*, 24(sup2), S165—S186. <https://doi.org/10.1080/13811118.2019.1586607>

Татьянина М.И., Григорьева А.А.,
Рудченко В.А., Киселева М.Г. (2025)
Особенности самоповреждающего поведения
у женщин, переживших опыт сексуального насилия
Психология и право, 15(1), 57—74.

Tatyanina M.I., Grigorieva A.A.,
Rudchenko V.A., Kiseleva M.G. (2025)
Features of self-harming behavior in women
who survived the experience of sexual violence
Psychology and Law, 15(1), 57—74.

17. Cash, T.F. (2002). The situational inventory of body-image dysphoria: Psychometric evidence and development of a short form. *International Journal of Eating Disorders*, 32(3), 362—366. <https://doi.org/10.1002/eat.10100>
18. Cipriano, A., Cella, S., Cotrufo, P. (2017). Nonsuicidal self-injury: A systematic review. *Frontiers in Psychology*, 8, Article 1946. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01946>
19. Chavin, R. (2024). *Differences in Personality Pathology Among Non-Suicidal Self-Injury and Suicidal Behavior Patterns: A Latent Class Analysis*. University of South Dakota.
20. Chen, Z., Liao, X., Yang, J., Tian, Y., Peng, K., Liu, X., Li, Y. (2024). Association of screen-based activities and risk of self-harm and suicidal behaviors among young people: A systematic review and meta-analysis of longitudinal studies. *Psychiatry Research*, 338, 115991. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2024.115991>
21. Cyr, M., McDuff, P., Wright, J., Thériault, C., Cinq-Mars, C. (2005). Clinical correlates and repetition of self-harming behaviors among female adolescent victims of sexual abuse. *Journal of Child Sexual Abuse*, 14(2), 49—68. https://doi.org/10.1300/J070v14n02_03
22. Duarte, E., Gomes, H.S., Gouveia-Pereira, M. (2024). Is suicidal intent present when adolescents engage in non-suicidal self-injury?: A research note. *Psychiatry Research*, 342, 116286. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2024.116286>
23. Ducasse, D., Holden, R.R., Boyer, L., Artero, S., Calati, R., Guillaume, S., Olie, E. (2017). Psychological pain in suicidality: a meta-analysis. *The Journal of Clinical Psychiatry*, 79(3). <https://doi.org/10.4088/JCP.16r10732>
24. Dworkin, E.R., DeCou, C.R., Fitzpatrick, S. (2022). Associations between sexual assault and suicidal thoughts and behavior: A meta-analysis. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 14(7), 1208—1211. <https://doi.org/10.1037/tra0000570>
25. Fayaz, I. (2024). Systematic review of posttraumatic growth from sexual assault in women. *Journal of Loss and Trauma*, 29(3), 291—312. <https://doi.org/10.1080/15325024.2023.2254240>
26. Ford, J.D. (2024). Complex Trauma and Dissociation: Charting a Course Forward for the Journal and the Field. *Journal of Trauma & Dissociation*, 25(2), 145—152. <https://doi.org/10.1080/15299732.2024.2307079>
27. Ford, J.D., Gómez, J.M. (2015). The relationship of psychological trauma and dissociative and posttraumatic stress disorders to nonsuicidal self-injury and suicidality: A review. *Journal of Trauma & Dissociation*, 16(3), 232—271. <https://doi.org/10.1080/15299732.2015.989563>
28. Franklin, J.C., Ribeiro, J.D., Fox, K.R., Bentley, K.H., Kleiman, E.M., Huang, X., Nock, M.K. (2017). Risk factors for suicidal thoughts and behaviors: A meta-analysis of 50 years of research. *Psychological Bulletin*, 143(2), 187—232. <https://doi.org/10.1037/bul0000084>
29. Johansen, V.A., Milde, A.M., Nilsen, R.M., Breivik, K., Nordanger, D.Ø., Stormark, K.M., Weisæth, L. (2022). The relationship between perceived social support and PTSD symptoms after exposure to physical assault: An 8 years longitudinal study. *Journal of Interpersonal Violence*, 37(9—10), NP7679—NP7706. <https://doi.org/10.1177/0886260520970314>
30. Kennedy, A.C., Prock, K.A. (2018). “I still feel like I am not normal”: A review of the role of stigma and stigmatization among female survivors of child sexual abuse, sexual assault, and intimate partner violence. *Trauma, Violence, & Abuse*, 19(5), 512—527. <https://doi.org/10.1177/1524838016673601>

Татьянина М.И., Григорьева А.А.,
Рудченко В.А., Киселева М.Г. (2025)
Особенности самоповреждающего поведения
у женщин, переживших опыт сексуального насилия
Психология и право, 15(1), 57—74.

Tatyanina M.I., Grigorieva A.A.,
Rudchenko V.A., Kiseleva M.G. (2025)
Features of self-harming behavior in women
who survived the experience of sexual violence
Psychology and Law, 15(1), 57—74.

31. Kessler, R.C. et al. (2017). Trauma and PTSD in the WHO world mental health surveys. *European Journal of Psychotraumatology*, 8(sup5), 1353383. <https://doi.org/10.1080/20008198.2017.1353383>
32. Klonsky, E.D., Glenn, C.R., Styer, D.M., Olino, T.M., Washburn, J.J. (2015). The functions of nonsuicidal self-injury: converging evidence for a two-factor structure. *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*, 9, 44. <https://doi.org/10.1186/s13034-015-0073-4>
33. Klonsky, E.D. (2007). The functions of deliberate self-injury: A review of the evidence. *Clinical Psychology Review*, 27(2), 226—239. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2006.08.002>
34. Klonsky, E.D., Glenn, C.R. (2009). Assessing the functions of non-suicidal self-injury: Psychometric properties of the Inventory of Statements About Self-injury (ISAS). *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*, 31, 215—219. <https://doi.org/10.1007/s10862-008-9107-z>
35. Knipe, D., Moran, P., Howe, L.D., Karlsen, S., Kapur, N., Revie, L., John, A. (2024). Ethnicity and suicide in England and Wales: a national linked cohort study. *The Lancet Psychiatry*, 11(8), 611—619. [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(24\)00184-6](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(24)00184-6)
36. Liljedahl, S.I., Daukantaitė, D., Kleindienst, N., Wångby-Lundh, M., Westling, S. (2023). The five self-harm behavior groupings measure: empirical and thematic data from a novel comprehensive self-harm assessment. *Frontiers in Psychiatry*, 14, Article 1147206. <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2023.1147206>
37. McCollum, D.C., Smathers, S.E., Sullivan, T., Jowaheer, Y., Mereish, E.H. (2025). Associations among intimate partner violence, suicidal ideation, suicide behaviors, non-suicidal self-injury, and psychological well-being in Black American emerging adults. *Suicide and Life-Threatening Behavior*, 55(1), Article e13102. <https://doi.org/10.1111/sltb.13102>
38. Muehlenkamp, J., Brausch, A., Quigley, K., Whitlock, J. (2013). Interpersonal features and functions of nonsuicidal self-injury. *Suicide and Life-Threatening Behavior*, 43(1), 67—80. <https://doi.org/10.1111/j.1943-278X.2012.00128.x>
39. Muehlenkamp, J.J., Kerr, P.L. (2010). Untangling a Complex Web: How Non-Suicidal Self-Injury and Suicide Attempts Differ. *Prevention Researcher*, 17(1).
40. Nock, M.K., Holmberg, E.B., Photos, V.I., Michel, B.D. (2007). Self-Injurious Thoughts and Behaviors Interview: Development, reliability, and validity in an adolescent sample. *Psychological Assessment*, 19(3), 309—317. <https://doi.org/10.1037/1040-3590.19.3.309>
41. Nock, M.K., Prinstein, M.J. (2004). A functional approach to the assessment of self-mutilative behavior. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 72(5), 885—890. <https://doi.org/10.1037/0022-006X.72.5.885>
42. Nock, M.K., Prinstein, M.J. (2005). Contextual features and behavioral functions of self-mutilation among adolescents. *Journal of Abnormal Psychology*, 114(1), 140—146. <https://doi.org/10.1037/0021-843X.114.1.140>
43. Pachkowski, M.C., Klonsky, E.D. (2024). The relationship between dissociative experiences and suicide ideation: A meta-analytic review. *Clinical Psychology: Science and Practice*, 31(3), 405—416. <https://doi.org/10.1037/cps0000185>
44. Perez, S., Lorca, F., Marco, J.H. (2020). Dissociation, posttraumatic stress symptoms, emotional dysregulation, and invalidating environments as correlates of NSSI in borderline personality disorder patients. *Journal of Trauma & Dissociation*, 21(5), 520—535. <https://doi.org/10.1080/15299732.2020.1719262>

Татьянина М.И., Григорьева А.А.,
Рудченко В.А., Киселева М.Г. (2025)
Особенности самоповреждающего поведения
у женщин, переживших опыт сексуального насилия
Психология и право, 15(1), 57—74.

Tatyanina M.I., Grigorieva A.A.,
Rudchenko V.A., Kiseleva M.G. (2025)
Features of self-harming behavior in women
who survived the experience of sexual violence
Psychology and Law, 15(1), 57—74.

45. Quarshie, E.N.-B. (2021). Self-harm among school-going adolescent survivors of sexual violence victimisation: a cross-sectional study. *Frontiers in Sociology*, 6, Article 605865. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2021.605865>
46. Raudales, A.M., Carosa, C.L., Weiss, N.H., Schatten, H.T., Arme, M.F. (2023). Emotion dysregulation as a mechanism linking posttraumatic stress disorder to subsequent suicidal thoughts and behaviors following inpatient psychiatric discharge. *Journal of Psychiatric Research*, 161, 34—39. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2023.03.002>
47. *Suicide Statistics Report. Latest Statistics for the UK and Republic of Ireland*. (2018). Samaritans. URL: <https://www.samaritans.org/documents/18/samaritans-suicide-statistics-report-2018.pdf> (viewed: 11.12.2024).
48. Sigurdardottir, S., Halldorsdottir, S. (2021). Persistent suffering: The serious consequences of sexual violence against women and girls, their search for inner healing and the significance of the #MeToo movement. *International journal of Environmental Research and Public Health*, 18(4), 1849. <https://doi.org/10.3390/ijerph18041849>
49. Steele, K., Dorahy, M.J., van der Hart, O. (2022). Dissociation versus alterations in consciousness: Related but different concepts. In: *Dissociation and the dissociative disorders* (pp. 66—80). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003057314-6>
50. Stein, D.J., Chiu, W.T., Hwang, I., Kessler, R.C., Sampson, N., Alonso, J., Borges, G., Bromet, E., Bruffaerts, R., de Girolamo, G., Florescu, S., Gureje, O., He, Y., Kovess-Masfety, V., Levinson, D., Matschinger, H., Mneimneh, Z., Nakamura, Y., Ormel, J., Posada-Villa, J., ... Nock, M.K. (2010). Cross-national analysis of the associations between traumatic events and suicidal behavior: findings from the WHO World Mental Health Surveys. *PloS ONE*, 5(5), Article e10574. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0010574>
51. Strauss Swanson, C., Szymanski, D.M. (2022). Sexual violence and psychological distress: The roles of coping self-efficacy, self-blame, shame, activism, and feminism. *Sex Roles*, 87, 419—434. <https://doi.org/10.1007/s11199-022-01314-0>
52. Suneja, A. (2018). *Associations Among Shame, Self-Punishment and Non-Suicidal Selfinflicted Injury in Individuals with Childhood Sexual Abuse Trauma*. Alliant International University.
53. Valencia-Agudo, F., Kramer, T., Clarke, V., Goddard, A., Khadr, S. (2020). Correlates and predictors of self-harm in a prospective sample of sexually assaulted adolescents. *Clinical Child Psychology and Psychiatry*, 25(4), 847—859. <https://doi.org/10.1177/1359104520920332>
54. Van der Hart, O., Dorahy, M.J. (2022). History of the concept of dissociation. In: M.J. Dorahy, S.N. Gold, J.A. O'Neil (Eds.), *Dissociation and the dissociative disorders. Past, Present, Future* (pp. 13—38). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003057314-3>

Информация об авторах

Мария Игоревна Татьяна, студентка 6 курса факультета клинической психологии, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский университет) (ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет)), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-0286-4636>, e-mail: mayunicorn28@gmail.com

Александрина Андреевна Григорьева, доктор психологических наук, профессор кафедры педагогики и медицинской психологии, Первый Московский государственный медицинский

Татьянина М.И., Григорьева А.А.,
Рудченко В.А., Киселева М.Г. (2025)
Особенности самоповреждающего поведения
у женщин, переживших опыт сексуального насилия
Психология и право, 15(1), 57—74.

Tatyanina M.I., Grigorieva A.A.,
Rudchenko V.A., Kiseleva M.G. (2025)
Features of self-harming behavior in women
who survived the experience of sexual violence
Psychology and Law, 15(1), 57—74.

университет имени И.М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский университет) (ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет)), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5204-4887>, e-mail: grigoreva_a_a@staff.sechenov.ru

Виталина Андреевна Рудченко, аспирантка кафедры педагогики и медицинской психологии, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский университет) (ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет)), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-2614-3348>, e-mail: vitalinarudc@yandex.ru

Мария Георгиевна Киселева, доктор психологических наук, заведующая кафедрой педагогики и медицинской психологии ИПСР, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский университет) (ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет)), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9984-1090>, e-mail: kiseleva_m_g@staff.sechenov.ru

Information about the authors

Maria I. Tatyanina, 6th year Student of the Faculty of Clinical Psychology, Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-0286-4636>, e-mail: mayunicorn28@gmail.com

Alexandrina A. Grigoryeva, Dr. Sci. (Psychol.), Professor of the Department of Pedagogy and Medical Psychology, Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5204-4887>, e-mail: alexandrina_gr@mail.ru

Vitalina A. Rudchenko, Graduate Student of the Faculty of Clinical Psychology, Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-2614-3348>, e-mail: vitalinarudc@yandex.ru

Maria G. Kiseleva, Dr. Sci. (Psychol.), Head of the Department of Pedagogy and Medical Psychology, Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9984-1090>, e-mail: kiseleva_m_g@staff.sechenov.ru

Вклад авторов

Татьянина М.И. — сбор теоретических данных; проведение эмпирического исследования; интерпретация результатов статистического анализа; написание научной работы.

Григорьева А.А. — разработка дизайна исследования; формулировка научных фактов; написание научной работы; интеллектуальное руководство исследованием.

Рудченко В.А. — подготовка и редактирование текста рукописи к публикации.

Киселева М.Г. — коррекция написанной работы.

Татьянина М.И., Григорьева А.А.,
Рудченко В.А., Киселева М.Г. (2025)
Особенности самоповреждающего поведения
у женщин, переживших опыт сексуального насилия
Психология и право, 15(1), 57—74.

Tatyanina M.I., Grigorieva A.A.,
Rudchenko V.A., Kiseleva M.G. (2025)
Features of self-harming behavior in women
who survived the experience of sexual violence
Psychology and Law, 15(1), 57—74.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Maria I. Tatyanina — collection of theoretical data; conducting empirical research; interpretation of statistical analysis results; writing the scientific work.

Alexandrina A. Grigorieva — research design development; formulation of scientific facts; writing the scientific work; intellectual supervision of the research.

Vitalina A. Rudchenko — preparation and editing of the manuscript text for publication.

Maria G. Kiseleva — correction of the written work.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 09.01.2025
Поступила после рецензирования 18.01.2025
Принята к публикации 29.01.2025
Опубликована 30.03.2025

Received 2025 01.09
Revised 2025 01.18
Accepted 2025 01.29
Published 2025 03.30